

Спустя десять дней после окончания испытаний в Девятом районе на официальном сайте «Ланьшу» появились результаты.

Цэнь Сяо, занявший первое место, зачислялся в отряд «Призрачный глаз». Выход на службу был назначен через неделю после начала учебного года в Университете А. Хань Цзян планировал лично встретить всех, кто сумел пройти этот суровый отбор.

Когда весть долетела до поместья Цэней, Цэнь Цин, изучив ведомость, протяжно выдохнул. Морщины, прорезавшие его лоб, на миг разгладились.

«Все-таки он мой родной сын, — подумал мужчина. — Пусть мы и не ладили в последние годы, было бы ложью сказать, что мне всё равно»

Что бы Цэнь Сяо ни задумал, как бы отец ни пытался ему препятствовать, в конечном итоге парню всё равно требовалась поддержка Третьего района. Если бы юноша потерпел крах, пошатнулось бы и кресло под самим Цэнь Цином.

Но теперь сын доказал: у него достаточно сил, чтобы вступить в эту игру.

Сяо Мужань, однако, радости не чувствовала. Чем сильнее она презирала борьбу за власть и интриги, тем глубже в это вязкое болото засасывало её близких. Цэнь Сяо был прав: она ненавидела собственное бессилие. Ненавидела то, что не способна помочь тем, кто ей дорог, и не может защитить тех, кого любит.

Дыхание Сяо Мужань стало прерывистым. С трудом сдерживая душевное смятение, она посмотрела на мужа:

— Ты сможешь... сможешь его уберечь?

Только когда речь заходила о сыне, она была способна на нормальный разговор с Цэнь Цином. Тот долго молчал, прежде чем горько усмехнуться:

— За кого ты меня принимаешь? Цэнь Сяо — мой сын. Неужели ты думаешь, что я просто умою руки?

Женщина отвела взгляд. Её пальцы до белизны сжали перила лестницы. Сделав глубокий вдох, она прошептала:

— То, что он задумал...

— Верить ты мне или нет, — резко оборвал её Цэнь Цин, — но я никогда не желал зла Ли Цинли. Мне и в голову не приходило мстить семье Ли из-за тебя. Ты слишком плохого обо мне мнения.

Сяо Мужань опустила глаза и тихо вздохнула:

— Какая разница, верю я или нет. У меня всё равно нет права требовать для него справедливости.

Волосы её оставались густыми и иссиня-черными, а взгляд — робким и печальным. Несмотря на возраст, она прекрасно выглядела: во всем её облике сквозила та хрупкая, почти детская наивность, которая всегда вызывала в окружающих желание оберегать её.

Так было и много лет назад. Она казалась тихой, послушной и очень благовоспитанной. Цэнь Цину хватило одного взгляда, чтобы почувствовать родственную душу. Когда сваха принесла фотографии, он просто указал на одну из них.

— С ней можно встретиться, — бросил он тогда.

Он не знал, что в то время Сяо Мужань уже была влюблена.

Семья Цэнь и Сяо были древними родами с глубокими корнями. Со всех сторон этот союз казался идеальным. Сваха ликовала, а вслед за ней — и родители с обеих сторон. Хотя девушка была без ума от своего избранника, её семья не разделяла этих восторгов. Молодой человек рано остался сиротой, его состояние было более чем скромным — для семейства Сяо этого было достаточно, чтобы вынести вердикт. Поразвлечься — можно, но замуж — ни в коем случае.

Когда же дочери попытались это объяснить, всегда покладистая Мужань впервые ответила решительным отказом. В её глазах тот юноша был само совершенство, человек редкого таланта и чистоты.

Семья Сяо понимала: прямое давление вызовет лишь протест. Поэтому они пошли на хитрость. Воспользовавшись тем, что отношения влюбленных были в самом начале и они еще не успели полностью открыться друг другу, родители подстроили череду случайностей. Сфабрикованные сообщения, ложные слухи — на молодого человека вылили ушат грязи, приписав ему несуществующие пороки и низость.

Сяо Мужань выросла в тепличных условиях и привыкла верить близким. В споре между любящими родителями и едва знакомым мужчиной она выбрала первых. Поверив в «подлость» возлюбленного, она в гневе разорвала отношения. Но воспитание не позволило ей опуститься до обвинений; она просто ушла, сохранив видимое достоинство, и оборвала все связи.

Вскоре по воле семьи она начала встречаться с Цэнь Цином. Она не знала, любит его или нет, — просто в её жизни больше не было никого, кто заставил бы сердце биться чаще. К тому же все вокруг твердили, как они подходят друг другу.

«Раз все завидуют, значит, всё в порядке», — рассудила она.

Спустя два года они поженились. О том, что бывший возлюбленный вернулся в страну с женой, Мужань узнала, уже будучи беременной. Он стал известным исследователем, и не прошло и полугода, как в Университете А ему дали звание доцента. У него была прекрасная семья и уютный дом.

Тогда Сяо Мужань всё еще думала, что всё сложилось к лучшему. Даже если он когда-то обманул её, она не чувствовала ненависти. Она ни разу не сказала о нем дурного слова, продолжая считать его выдающимся ученым.

Всё изменилось за месяц до родов, когда её положили в частную клинику.

В то время Цэнь Цин готовился к важному повышению и был завален делами, поэтому с женой оставались её родители. Дни тянулись скучно. Мать Мужань, лениво доедая яблоко, со смешком вспомнила дела минувших дней.

— Думаю, через пару лет Цэнь Цин станет главой «Ланьшу» в Третьем районе. Он такой целеустремленный... Все твои подруги лопаются от зависти. Всё-таки у нас с отцом глаз наметан. Не зря мы выбрали его для тебя. Счастье, что мы тогда проявили смекалку и развели тебя с тем парнем. Разве была бы у тебя сейчас такая спокойная и богатая жизнь? Вот родишь — сама поймешь, на что готовы родители ради блага детей...

В тот миг мир Сяо Мужань рухнул.

Той же ночью у неё отошли воды. Она начала задыхаться. Семь часов врачи боролись за её жизнь и жизнь ребенка. Цэнь Сяо родился недоношенным, чудом избежав смерти.

С тех пор здоровье женщины было подорвано. Она почти не улыбалась и почти не занималась сыном. Пока шло восстановление в реабилитационном центре, она начала курс лечения от депрессии. Все думали, что это обычная послеродовая хандра.

Но она знала: это не так. Её сжирало раскаяние из-за того, что она несправедливо обвинила достойного человека.

— Я не знал о методах твоих родителей, — однажды признался Цэнь Цин. — Если бы знал, я бы никогда не выбрал твое фото.

Но самое страшное для Сяо Мужань было в том, что ей некого было винить. Родители холили и

лелеяли её двадцать лет, муж действительно ничего не знал. А её боль в глазах окружающих казалась лишь капризом — ведь она замужем, у неё ребенок, какое значение имеет правда далекого прошлого?

Она слышала, что у него родился чудесный сын, что он живет в любви и гармонии. Это приносило ей слабое утешение. Боль не уходила, но Мужань считала её заслуженной карой за то, что позволила себя обмануть. Но когда спустя семнадцать лет Ли Цинли снова растоптали клеветой, когда его семья была разрушена, она снова оказалась бессильна.

— Там всё очень непросто, — твердили ей родители. — Не вздумай сболтнуть лишнего под горячую руку. За твоей спиной — семьи Сяо и Цэнь. Не думаешь о себе — подумай о Цэнь Сяо. Ты уже взрослая, ты мать.

И она снова подчинилась. Если все будут довольны — так тому и быть. Видно, ей на роду написано всю жизнь угождать другим.

Цэнь Цин видел, что жена снова проваливается в пучину самобичевания. Но как супруг он меньше всего имел право её утешать — ведь, хоть он и не желал зла лично, именно он стал невольной причиной чужого несчастья. Он поспешил сменить тему:

— Почему Цэнь Сяо еще не вернулся? Он ведь знает, что сегодня пришли результаты.

— Его уже несколько дней нет дома, — тихо отозвалась Сяо Мужань. — Кажется, он влюбился.

Цэнь Цин настороженно нахмурился:

— Влюбился? В кого? В одноклассницу? Почему я ничего об этом не слышал?

В таком возрасте, в такой ответственный момент — и он нашел время для романов?

Сяо Мужань подняла голову, глядя на огромную хрустальную люстру в холле:

— Не знаю. И мне всё равно. Кем бы ни был этот человек — хоть нищим, хоть сиротой без гроша за душой. Лишь бы Цэнь Сяо он по-настоящему нравился.

Ли Жун, сидевший на пассажирском сиденье, как раз собирался сделать глоток кофе, когда внезапно зашелся в сильном кашле. Стаканчик в его руках качнулся, едва не плеснув напитком на дорогое сиденье.

Цэнь Сяо бросил на него быстрый взгляд:

— Пей осторожнее.

Юноша, чувствуя себя немного обиженным, проворчал:

— Я еще даже не глотнул. Просто чихнуть вдруг захотелось.

Собеседник высвободил одну руку и ласково взъерошил его мягкие волосы:

— Может, просквозило ночью?

Ли Жун задумался. В последнее время он засыпал подозрительно быстро. Со времен прошлой жизни он страдал от легкой формы неврастения и просыпался от малейшего шороха. Но теперь, стоит ему лечь рядом с Цэнь Сяо, сон становится крепким и спокойным.

— А ты меня хорошо укрываешь? — с напускной серьезностью спросил Ли Жун.

Обычно после их «занятий» он первым шел в душ и первым засыпал. Конечно, Цэнь Сяо тратил куда больше сил, но в этой жизни парень еще не успел заняться спортом, так что тело его было пока слабоватым.

— Укрываю, — подтвердил тот.

— А я не брыкаюсь во сне?

— Нет, — отозвался Цэнь Сяо. — Я ведь тебя обнимаю.

<http://bllate.org/book/15351/1439314>